

УДК / UDC 821.352.1

DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-134-173

Тематическая палитра абазинской поэзии периода зарождения (На материале газетных публикаций)

Петр Константинович Чекалов¹

¹ Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
(д. 1а, ул. Горького, 369000 Черкесск, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

 0000-0001-7580-4060. E-mail: chekalov58@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Чекалов П. К., 2022

Аннотация. В статье представлены в систематизированном виде тематические группы абазинской стихотворной продукции, вышедшей на страницах национальной газеты «Красная Черкесия» с 1935 по 1941 гг. Выявлены произведения о революции, В. И. Ленине, советских школьников, Первомае, Красной армии, колхозном труде, природе. За рамками работы остались распространенные в те же годы тема темного прошлого и светлого настоящего, стихи-посвящения конституции 1936 г., панегирики И. В. Сталину. Многоаспектному исследованию (смыслового содержания, метрики и ритмики, строф, рифм, лексики, изобразительно-выразительных средств) подверглись 4 переводных и 19 оригинальных стихотворений. При этом отмечаются характерные особенности, присущие каждому из них. Обобщение проведенных наблюдений производится в заключительной части работы.

Ключевые слова: абазинская поэзия, газета, революционная песня, посвящения, русскоязычная лексика, репортаж, оборонная тематика, выразительные средства

Для цитирования: Чекалов П. К. Тематическая палитра абазинской поэзии периода зарождения (На материале газетных публикаций) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 134–173. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-134-173

Thematic Palette of Abaza Poetry, 1930s–1940s: Newspaper Publications Analyzed

Peter K. Chekalov¹

¹ Karachay-Cherkessia Institute for Humanities Research, Government of the Karachay-Cherkess Republic (1A, Gorky St., 369000 Cherkessk, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-7580-4060. E-mail: chekalov58@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Chekalov P. K., 2022

Abstract. *Goals.* The article attempts a thematic systematization of Abaza poetic works published by the Krasnaya Cherkessia newspaper from 1935 to 1941. *Results.* It identifies a number of themes, such as the Revolution, Vladimir Lenin, Soviet schoolchildren, May Day, Red Army, collective farm labor, and nature (The paper ignores themes of dark past and bright present, poetic dedications to the Constitution of 1936, and panegyrics to Joseph Stalin). The study provides multifaceted (semantic essentials, metrics and rhythmic patterns, stanza, rhyme, vocabulary, visual and expressive means) insights into four translated and nineteen original poems to reveal specific features inherent to each of the latter. The final part contains a generalization of all observations.

Keywords: Abaza poetry, newspaper, revolutionary song, dedications, Russian-language vocabulary, report, defense topics, expressive means

For citation: Chekalov P. K. Thematic Palette of Abaza Poetry, 1930s–1940s: Newspaper Publications Analyzed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 1: 134–173. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-134-173

Введение

Исторической родиной абазин является территория современной западной Абхазии и район известных причерноморских городов: Адлер, Лазаревское, Гуапсе. В силу различных причин с XIII в. абазины стали переселяться на северные склоны Кавказских гор. Сейчас абазин в России насчитывается немногим более

40 тыс. человек, основная часть которых проживает на территории Карачаево-Черкесской республики.

Письменность абазины обрели в ноябре 1932 г., и уже через полгода, 5 мая 1933 г., в газете «Черкес плиж» (выходила на черкесском языке) появились две небольшие заметки на абазинском языке. С них начала свой путь абазинская публицистика. С этого времени на страницах данного периодического издания регулярно печатались абазинские материалы. Через два года (в конце апреля 1935 г.) абазинам была выделена вся третья полоса, а с 23 июля 1938 г. стала выходить национальная двухполосная газета малого формата «Черкес къапщ» («Красная Черкесия»), в названии которой так или иначе отражалась сама эпоха.

Увеличение газетной площади влекло за собой появление большего количества публицистического, переводного, фольклорного и литературного материала, позволяло шире использовать языковые ресурсы, что в свою очередь способствовало формированию литературного языка. И сегодня мы имеем возможность восстановить отдельные страницы истории национальной литературы по следам этих публикаций. Но тут же необходимо оговориться, что история эта будет не совсем полной, так как из-за оккупации Черкесии в годы Великой Отечественной войны вся издательская продукция была уничтожена, а в Российской государственной библиотеке сохранились далеко не все экземпляры. Например, из 138 номеров «Черкес плиж», вышедших в 1935 г., уцелели лишь 86, исчезли — 52. Естественно, вместе с ними пропали и произведения, напечатанные в них. Свидетельством того, что подобные факты имели место, являются воспоминания Х. Д. Жирова. В них он обмолвился о 12-строчном стихотворении И. Табулова [Жиров 1972: 101] и «Октябрьской песне» А. Хачукова [Жиров 1972: 104], напечатанных в абазинской газете, но в сохранившихся номерах мы их не нашли.

Материалом исследования является переводная и оригинальная стихотворная продукция, появившаяся на страницах абазинской национальной газеты в период с 1935 по 1941 гг.

Революционные песни

Упомянутая выше песня А. Хачукова в наше время случайно была обнаружена среди архивных материалов профессора А. Н. Генко в Институте восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург).

В августе – сентябре 1929 г. учитель аула Дударуковского (ныне — Псыж) Адам Хачуков надиктовал профессору Института востоковедения Академии наук СССР А. Н. Генко тексты двух своих песен: «Кровопийцами-насилъниками замутненный мир...» и «О, Кубань, Кубань...» [Архив ИВР РАН. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 31. Тетрадь 1929 г. Л. 51–52]. Это самые первые известные на сегодня авторские литературные произведения, записанные на абазинском языке.

Как установлено Г. К. Чекаловым, родился А. Хачуков в 1883 г. в ауле Дударуковском, получил духовное образование в Сирии и после возвращения на родину исполнял обязанности муэдзина, обучал детей арабскому языку и Корану. Несмотря на свою религиозность, Адам приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию и даже посвятил ей две песни [Чекалов П., Чекалов Г. 2017: 120]. Воспроизведем текст первой из них в оригинале и подстрочном переводе:

*УГа щажвта зальмыжвква йдрыхъващыз адунай
Октябрь революца йхънардазахын, хЫла пшыхд.
ХАра, нхачва бзазащата швымгъыцАра згылартаз,
Дунай хАтла хЫквыщАта хЫла кЫлыщауата хЫнкъвыщыз,
Октябрь революца йыквначАвакын йарпсдзахт.
ХАра, йапхъауа ачкЫвнчаква, соввласт тланГа хАйачАваб.
АйачАваква щардазарквын, адунай лашарахушт.*

‘Кровопийцами-насилъниками замутненный мир очистился Октябрьской революцией, и взгляд наш прояснился. Для нас, трудящихся, местом жизни был определён угол у входа. Октябрьская революция уничтожила тех, кто навалил на нас мировую ношу и гонял, не позволяя поднять глаза. Мы, учащаяся молодежь, — звезды дорогой соввласти [советской власти. — П. Ч.]. Чем больше будет звезд, тем светлее станет мир’¹.

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Г. К. Чекалов в книге «Судьбы абазинской литературной интеллигенции...» дал такую интерпретацию данному произведению: «Несомненно, что для автора было характерно образное мышление, проявляющееся уже в первых строках: Октябрьской революции придается грандиозная очистительная сила, способная преобразовать мир, прояснить взгляд — сознание трудовых масс, от лица которых выступает автор. Обратим внимание: „Хыла пшыхд“ можно перевести не только как „глаза наши увидели“, но и как „прозрели“. Оригинально и соотнесение учащихся со звездами, из которого естественным образом вытекает заключительная строка: „Чем больше будет звезд, тем светлее станет мир“. Буквальная физическая картина, благодаря контексту, обретает и метафорическое, социальное звучание: если звезды — это учащаяся молодежь, следовательно, от увеличения их числа не только реальный мир, но и сознание мира станет светлее» [Чекалов П., Чекалов Г. 2017: 122].

Мы в свою очередь отметим, что длина строк стихотворения различна и составляет от 12 до 18 слогов. Текст ритмически не урегулирован, междуударный интервал насчитывает от 0 до 6 слогов. И, хотя отдельные фрагменты порой напоминают то хорей, то амфибрахий, в целом текст мало походит на стихотворение, больше напоминает прозу, формально разбитую на стихотворные строки. Таким образом, «Кровопийцами-насильниками замутненный мир...» представляет собой не что иное, как свободный стих.

Если в данном стихотворении использовались длинные и даже сверхдлинные строки, то во втором — «О, Кубань, Кубань!...» — короткие: от четырех до восьми слогов. И определить размер его оказывается не столь просто. Дело в том, что из 48 строк здесь 13 имеют хореическую основу, 8 — ямбическую, 4 — дактилическую, 3 — амфибрахическую, 3 анапестическую, остальные созданы дольником или акцентным стихом. Другими словами, большая часть стихов (две трети) тяготеет к силлаботонике, а одна треть — к тонике, причем они следуют в хаотическом беспорядке. Здесь налицо желание автора придать своему произведению некую ритмическую урегулированность, и в этом

смысле он вырывается из традиций народной поэзии, но недостаток знаний и умений не позволяет ему обрести упорядоченный ритм силлабо-тонического стиха. Таким образом, в метрическом отношении произведение как бы повисает, балансируя, между силлаботоникой и тоникой. Думаем, будет правильным квалифицировать «О, Кубань, Кубань...» как сверхмикрополиметрию (по классификации М. Л. Гаспарова), включающую в себя в беспорядочном сочетании элементы силлабо-тонического и тонического стихов [Гаспаров 1984: 223–226].

Стоит отметить также и фрагментарное наличие рифмы: *йангIартас — йангIардзас, йгьмуыд — йхънурхIвыд, утIачва — анхачва, ацIагылын — йддырдырын, цIызрычIваз — йзрычIваз, змаквaz — йызтиквaz*... Естественно, они выглядят довольно примитивными: для рифменного созвучия избираются преимущественно глаголы одной и той же формы. Но и это представляется определенным достижением для литературы, никакого опыта и традиций не имевшей.

Переходя к анализу поэтики, отметим, что основным приемом в стихотворении выступает олицетворение. Главный герой — река Кубань, к которому и обращается автор, предстает не просто живым свидетелем народных бедствий, но и заступником: *Квычучва урызгылтI* ‘встал за трудящихся’. Река защищает, прикрывает собой живущих за ней людей, как собственную семью: *Уара йухчуз утIачва* ‘семью свою, которую ты защищал’. Она не пропускает через себя царские войска, и они вынуждены повернуть назад: *Ар дугьы йхънурхIвыд*. Но в отличие от реки, покровительствовавшей народу, находятся соотечественники, которые за золотую нашивку предают собственных братьев (*Защчва хьысхьакIла йызтиквaz*). Для того чтобы усилить мотив предательства, оттенить жестокие последствия этого злодеяния, автор вводит повторяющийся образ крови: *Анхачваквa рцашвлa* ‘запекшейся кровью работников’, *Аща квайчIва цIызрычIваз, / Аща кьвада йзрычIваз* ‘выдавившие черную кровь [из народа], пролившие теплую кровь [народа]’. Образ крови, таким образом, выступает как обличение, как обвинительный приговор тем, кто предал и продал интересы своего народа ради собственного благополучия.

Самостоятельное значение обретает и образ пота, выступающий мерой праведности, честной крестьянской работы, когда применяется к трудовому люду *‘аквычучва рихдзыла’*, и, наоборот, несправедливости и обмана, когда используется по отношению к имущему классу: *Йызихдзымла йбайахаз ‘разбогатевшие не своим потом’*.

И потому образ Октября (Октябрьской социалистической революции) выступает в качестве своеобразного народного мстителя, разогнавшего тех, кто паразитировал и обогащался за счет чужого труда, а судьбу народа вручил в его же руки. И в данном произведении, как и в предыдущем, Октябрь становится тем событием, которое открыло глаза трудящимся, жившим в сплошной темноте:

*Алащцара йылагыла
Бзазаца гвымхала
Йбзауз ауглаква
Октябрь рылаква
ЙхънатГыхын йбзизид.*

‘Находящимся в темноте, живущим тяжелой жизнью народам, Октябрь раскрыл глаза’.

Заметим, что слово «темнота» (*алащцара*) в контексте стиха обретает социальную окраску.

Завершается стихотворение типичными для 1920-х гг. лозунгами, выраженными в публицистическом ключе:

*Йабгазд Октябрь ду,
ЙызГвадахад ВКП(б)!*

‘Да здравствует великий Октябрь, пусть здравствует ВКП(б) [Всесоюзная коммунистическая партия большевиков]’.

По свидетельству Х. Д. Жирова, с 1938 г. работавшего в редакции абазинской газеты, к ним частенько наведывался А. Хачуков: «Если зашел Адам, значит, не с пустыми руками: заносил стихи или песни. <...> Адам придумывал мелодии к своим стихам и сам исполнял их как песни. Если при чтении и можно было заметить какие-то недостатки, то при пении недочеты сглаживались. Ада-

му хорошо удавалось накладывать на слова музыку. <...> Тогда у нас не было людей, которые могли бы записывать ноты, и потому тексты песен А. Хачукова печатались без нот, и мелодии потом забылись. Так произошло и с „Октябрьской песней“, начинавшейся словами:

Кровопийцами-наильниками замутненный мир
Очистился Октябрьской революцией...» [Жиров 1972: 104].

По этим строкам легко узнается первое из рассмотренных нами стихотворений. Как говорилось выше, номер газеты с данным произведением исчез, и абазинские литературоведы долгое время не имели представления о его форме и содержании. В 2016 г., изучая обнаруженный абхазским фольклористом З. Д. Джапуа в Институте восточных рукописей РАН архив профессора А. Н. Генко, мы наткнулись на записанные ученым еще в 1929 г. стихотворные тексты А. Хачукова. Они вошли в научный обиход в составе книг «Судьбы абазинской литературной интеллигенции» [Чекалов П., Чекалов Г. 2017: 121–124] и «Абазинские материалы А. Н. Генко» [Абазинские материалы 2019: 39–41]. Отметим, что оба произведения выдержаны идеологически, имеют четко выраженный классовый характер, созвучны пролетарской поэзии тех лет. Теми же признаками обладает и стихотворение «Дорогой Сталин», напечатанное в газете «Красная Черкесия» в январе 1939 г.

По метрической структуре оно сходно с проанализированным выше «О, Кубань, Кубань...». И здесь две трети строк имеют силлабо-тоническую основу (преимущественно — хорей и ямб, значительно реже — амфибрахий и анапест), а одна треть — дольники и акцентный стих. При этом они никак не урегулированы, перемежаются хаотично, что позволяет отнести стихотворение к сверхмикрополиметрии.

По духу своему «Дорогой Сталин» (22 января 1939 г.) — типичное пролетарское произведение 1930-х гг., превозносящее имя и деяния руководителя страны. Общее содержание его можно свести к нескольким прямолинейно звучащим тезисам-лозунгам: «Сталинской Конституции, осветившей наш мир светом большого

солнца, мы долгие годы будем произносить здравицы», «Главную свою здравицу мы адресуем Сталину — нашему вождю, отцу, руководителю ВКП(б)», «Жизнь наша стала счастливой, мы скреплены радостью, обрели покой», «Нет ни одного безработного в нашем Советском Союзе. Покоем, хорошим расположением духа, наслаждением наполнены мы», «Дорогой Сталин одарил нас главным правом: мы получили возможность учиться, трудиться и отдыхать».

Обзор литературно-художественных публикаций в газете мы начали с произведений А. Хачукова потому, что по времени создания «Октябрьская песня» и «О, Кубань, Кубань...» опережают все остальные. Первым же литературным произведением, обнаруженным при исследовании сохранившихся газет 1930-х гг., является перевод «Интернационала», напечатанный 15 июня 1935 г.

Напомним: текст песни был создан французским поэтом Эженом Потье в 1871 г. Через 31 год (1902) А. Я. Коц перевел на русский язык 1-ю, 2-ю и 6-ю строфы этого произведения, ставшие партийным гимном, а со времени образования СССР (1922) — государственным гимном Советского Союза (до 1944 г.). Поэтому кажется не случайным, а вполне закономерным и даже символическим, что первой литературной публикацией на страницах абазинской советской газеты явилось именно это произведение.

Вставай, проклятьем
заклейменный,

Весь мир голодных и рабов!

Кипит наш разум возмущенный

И смертный бой вести готов.

Весь мир насилья мы разрушим

До основанья, а затем

Мы наш, мы новый мир построим

—

Кто был ничем, тот станет всем.

*Шеглагыл йырчлагьумца
йглаглвайсыз,*

Зымгва амлащичви ачглевнчви.

*ЙглашигI йыззымчIахуа
хIалкIелара,*

Айсра ду хIазцара хIазыхIазырпI.

Азальымчва рыдуней ацатадза

ЙыхIрыхъвашапI, уадыргIвана

*ХIара хIдуней щаквхIыргьлпI
йшIыцта,*

*Йзачварымицуз дзанышым аьамкIва
дцанI.*

Припев

Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Припев

*Ари акIвпI хIцIыхъвайсра,
Айсраква рыцIа йымчу.
Интернационалла
АугIа щата багъба раунI.*

Никто не даст нам избавленья:

*Заджвгъи йыгъгIахIитрым
ахъахвитра:*

Ни бог, ни царь и не герой.

*ДанчвазтI, дваптыхIызтI,
дфырхъацIазтI,*

Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

*ХIара йгIаушIыгIганI хIхъахвитра
ХIара хIхъачIв напIыла.*

Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

*Ахъантара хIхъыххра, йыхIчIвугъи
ГПарыквхIхра ахъазла
Ажъюра атигIва алашвыршыта
ЙышишыркIву айха швас!*

Припев

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

Припев

*ХIара хIакIвпI адуней
Атруд цIагылачва ар ду,
Адгъыл йахвитхара ттахъу –
Анымхачваквва зынги!
Аддыра ду гIарыквддырквын
Ахъахъычви алагварты,
ХIара амара анур пха
ХIарпхауа йгIахIылакIкIанI.*

К сожалению, газета при публикации не указала имя переводчика. Сам перевод выполнен безрифменным свободным стихом и походит, скорее, на добросовестный подстрочник, чем на поэтическое творение. Но, тем не менее, это было первое литературное произведение, со страниц газеты обращенное к абазинскому взрослому читателю, и, судя по воспоминаниям Х. Д. Жирова, вызвало одушевление в абазинской общественности, особенно среди молодежи: «Радостью не только для любителей литературы, но и

для всех стало большое событие — появление в газете революционной песни „Интернационал“ в переводе на абазинский язык. Я не раз встречал компании, которые в школах и избах-читальнях распевали ее с номером газеты в руках. Абазины сразу полюбили песню, сочиненную во имя счастья людей всей планеты» [Жиров 1972: 102].

К поре зарождения абазинской поэзии относится и другой эпизод, живо воспроизведенный Х. Д. Жировым: «Появилось новое грандиозное начинание: абазины стали писать, слагать стихи на своем языке. Я впервые в жизни прочитал в газете небольшое стихотворение И. Табулова из 12 строк. Не только я, но многие выучили его наизусть. Затем появилось другое стихотворение Д. Озова, и его, как песню, мы декламировали по вечерам на улице. Меня удивляло то, что весть о стихах быстро доходила до неграмотных стариков и старух. Они вызывали нас и просили прочитать, что мы и делали с радостью, напуская на себя важность. „О, аллах, кому душа моя станет жертвой! Нет ничего, чего бы они не умели; мертвого только не воскресят, а остальное все им под силу“, — говорили они» [Жиров 1972: 101].

Ленинская тематика

Ленинская тема была одной из самых приоритетных в советском искусстве. Свое большое и прочное место она занимала и в литературе. В свое время к ней обращались М. Горький, В. Маяковский, С. Есенин и множество других именитых и малоизвестных авторов. Эта тема проникала в периодику и школьные хрестоматии.

Общая атмосфера литературы, частные ее тенденции и проявления оказывали свое влияние и на национальную словесность. Тому же способствовали и школьные учебники по литературе, перенимавшие и отражавшие дух и приметы эпохи. Так, в книгу для чтения для школ малограмотных Д. Богоявленского и Л. Тимофеева (1934) были включены стихотворения с ленинской тематикой В. Инбер «Пять ночей и дней» и Д. Бедного «Проводы». И в книгу для чтения для второго класса Е. Я. Фортунатовой (1933) вошли

стихотворения Д. Бедного «Проводы» (под названием «На смерть Ленина») и Т. Спендиаровой «Вождь, учитель, друг».

В связи с отсутствием в новописьменных литературах собственного и специфического для школьных хрестоматий материала национальные составители при создании учебно-педагогической литературы брали за образцы русские учебники, ориентировались на их структуру, переводили на родной язык и адаптировали представленные в них произведения. При этом не обходилось без курьезов.

Обратимся к последним из названных стихотворений, следовавших в учебнике Е. Я. Фортунатовой друг за другом.

Д. Бедный

На смерть Ленина

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель.
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.
Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский от снега белый гроб.

[Фортунатова 1933: 30]

Т. Спендиарова

Вождь, учитель, друг

Для встречи последней шли.
Тихо было в рядах.
Ваши отцы несли
Гроб на своих руках.
Редкий слез не лил.
Море голов вокруг.
Дети, для вас он был —
Вождь, учитель, друг.

[Фортунатова 1933: 31]

Заметим, что стихи написаны разными размерами: Д. Бедного — 5-стопным ямбом, Т. Спендиаровой — 3-ударным дольником. Но при этом их сближает не только общая ленинская тема, но и частная тема прощания с вождем после его смерти. Последний фактор для абазинского переводчика, вероятно, оказался приоритетным. Возможно, здесь сказался какой-то технический сбой. Но так или иначе в переводном на абазинский язык учебнике Фортунатовой два стихотворения соединились в один текст, автором которого была обозначена Т. Спендиарова:

<i>Т. Спендиарова</i>	<i>Т. Спендиарова</i>
Авождь, аучитель, аныбжьагІв (Перевод с русского на абазинский)	Вождь, учитель, друг (Обратный подстрочный перевод)
<i>Йацы йынкъвнагуз асрычвхІва</i> <i>Ашвыр тлагІва чкІвынква</i> <i>йаажвагватІ сыла,</i> <i>АсычкІвынква йгІлакІашвитІ,</i> <i>йгІлакІашвитІ,</i> <i>ЙдзыргІвуа, тынчта йгылу</i> <i>амзагІв цІла чкІвын йгІлакшвитІ.</i>	Разгулявшаяся вчера метель Заполнила снегом звериные тропинки. Снежинки падают, падают На молчаливую, спокойно стоящую ель.
<i>АхІагІара йгІладжвыквлын</i> <i>агвагІварадза</i> <i>СаквхІвхІваракІ йахъысыркІвын</i> <i>аквхІвхІваракІ</i> <i>Йазынадзауа, алентІ апи</i> <i>йацІырхвха йгІайуан.</i> <i>ЙгІаквпІлун, йгІаквпІлун</i> <i>асычкІвынква</i> <i>Асы йарышкІвокІваз Ленин йгроб.</i>	Двинулись от пригорка к оврагу, Переходя с сугроба на сугроб, Растянулись длинной лентой. Падали, падали снежинки На убеленный снегом ленинский гроб.
<i>ЙцІыхъвахауата дырбахра</i> <i>ахъазла йцун,</i> <i>АуагІа сатырква дауышкІгы</i> <i>гырхъымцІуазтІ.</i> <i>Швара швабачва дыргун,</i>	Шли, чтоб увидеть в последний раз. Ряды людей не издавали ни звука. Ваши отцы несли

*РнапЫла йрымата агроб,
Гьладз мачЫым йкИадрычИваз.*

На своих руках гроб.
Немало пролили слез.

*АуагЛа жвпИара рхъаква атенгьыз
апи*

Людские головы, словно море,

Гьагьата дыкИдыришатI.

Окружали [гроб] широко.

ЧкИвыныргЛа, швара швыхъаз ауи

Дети, для вас он был —

Двождын, дучительын,

Вождем, учителем, другом.

дынбжъагИвын.

[Фортунатова 1939: 34–35]

По обратному переводу можно судить о том, что общее содержание объединенного произведения передано верно. Сохранены все образы метели, тропинок, снежинок, ели и т. д., вплоть до гроба, воспроизведенного в русском эквиваленте. Сохранены лексические повторы: «падали, падали снежинки», сравнение людского потока с растянувшейся лентой; метафора «море голов» трансформируется в сравнение: «людские головы, словно море...» (*ауагЛа жвпИара рхъаква атенгьыз апи...*). Таким образом, в смысловом плане перевод адекватен оригиналу. Что касается формальных признаков, то из них остались лишь деление текста на стихотворные строки и строфы, что же касается ритма и рифмы, то они отсутствуют совершенно.

В хрестоматии для четвертого класса начальной школы (1940) была помещена «Песня о Ленине» [Малхозов, Меремкулов 1940: 161] Т. Спендиаровой, написанная от лица школьников. На воображаемый вопрос Ильича «Как поживаете, дети?», они с готовностью отвечают, что на всей планете нет никого счастливее их; они радуются подаркам государства в виде дворцов пионеров, парков развлечений, зеленых лагерей и осознают, что во всем этом сказывается ленинская забота о них:

Оригинал
Песня о Ленине

Перевод
Именем Ленина

Мы знаем, великий Ленин

Велика Ленин хИара дыгИдыритI,

Заботлив и ласков был.	<i>Ауи дыхъгвыргIвагIвын йгьи дтынчын.</i>
Он взял бы нас на колени,	<i>Ауи хIара йщамхъаква хIрыквейырчIварын,</i>
С улыбкой бы нас спросил:	<i>Дгвыргъауа хIара дгIахIцIгIарын:</i>
«Ну, как вам живется, дети?» И наш бы звенел ответ:	<i>«Щта, швишабзазауа, асабиква?» ХIаргьи йгIахIхIвачварын хIджъауапква:</i>
«Мы всех счастливей на свете Так выполнен твой завет!	<i>«ХIара адунай зымгIва рацкIыс насын хIыманI, ХIара хIацкIыс саби къахв гъагъам.</i>
Дарит страна нам подарки От имени Октября: Дворцы, веселые парки, Зеленые лагеря!	<i>ХIстрана подарка гIахIнатитI Октябрь ахъызла: АдворецкIва, апарк къахкIва, Алагерь йачIвакIва.</i>
Ты отдал за счастье наше И силы свои и труд. И вот живется нам краше, Чем в песнях о том поют!»	<i>ХIара хIынасынIкIва рыхъазла Укъарууи угIапсари ауттI. Абар хIара рыцIагьи бзита хIбзазитI, Уарад шырхIвауа ацкIыс ауи ауысла!»</i>

Перевод М. Малхозова

Сопоставление переводного текста с оригинальным выявляет некоторые неточности: вместо «ласков» — «спокоен» (*дтынчын*), вместо «труд» — «усталость» (*угIапсара*), вместо фразы «так выполнен твой завет!» — усиление мотива счастья, прозвучавшего в предыдущей строке: «нет детей веселее нас» (*хIара хIацкIыс саби къахв гъагъам*). Но эти погрешности не являются принципиальными, не искажают общего смысла произведения и авторского замысла. В целом содержание стихотворения передано верно. Что же касается формы, то и тут мы можем повторить то же самое, что было сказано о предыдущем переводе: от нее осталось лишь деление текста на строки и строфы, а ритм и рифмы — пропали.

По сути своей перевод получился не столько творческим, сколько подстрочным.

В очередную годовщину смерти вождя, 21 января 1941 г., эти два переводных стихотворения из двух разных учебников встретились вместе на одной полосе газеты «Красная Черкесия». Подборку дополняло оригинальное стихотворение М. Малхозова «Где ты, родной наш Ленин!» («Уабаъу, хІпсы йапшу Ленин!») с явными чертами панегирика.

В последнем произведении в качестве заглавия вынесена строка, которая рефреном проходит через первые три строфы, причем в каждой из них она повторяется дважды:

*Уара, хІара хІыхъаз йІларихаз,
Уабаъу, хІпсы йапшу Ленин.
Уара уакІвІцІтІ абзира Глазгыз,
Уабаъу, хІпсы йапшу Ленин!..*

‘Ты, рожденный для нас, где ты, родной наш Ленин. Это ведь ты принес нам добро, где ты, родной наш Ленин!..’

Заметим: выражение «Где ты, родной наш Ленин» звучит как риторический вопрос, требующий в конце вопросительный знак. Но вместо него автор иногда пользуется точкой, но чаще — восклицательным знаком.

При переводе на русский язык абазинский фразеологизм *хІпсы йапшу* ‘подобный нашей душе’ для благозвучия мы передали одним словом «родной». Словосочетание, несомненно, несет в себе такой смысл, но все же буквальное его прочтение звучит сильнее: «подобный нашей душе» означает — тот, кто ближе и роднее всех. Немаловажно и то, что бытующее в национальной разговорной речи в форме единственного числа устойчивое выражение *спсы йапшу* ‘подобный моей душе’ автор намеренно переводит во множественное, тем самым выражая отношение к Ленину единой рабоче-крестьянской души.

Отметим и следующую особенность: каждая из семи строф завершается именем Ленина с восклицательным знаком в конце, демонстрируя общественный темперамент автора и **первое использование эпифоры в абазинской поэзии.**

В смысловом плане стихотворение не глубокое, декларативное. Оно констатирует сложности жизненного пути Ленина (*гIапсара ду учхIатI хIара хIыхъаз*), вынужденную эмиграцию (*уара гьуакIвымма йахъахалуз*), необходимость скрываться в шалаше на озере Разлив (*уара, атыпыжв йыгIвнабзаз*), отмечается покушение на вождя (*уара гьуакIвымма зира йазытигуз*), верность избранной в молодости революционной дороге (*уара уымгIвала райша уцатI*)...

Вторая часть стихотворения выстроена в форме своеобразного отчета перед именем Ильича:

*ХIара уымгIва лашара хIхчитI,
Уара ууасйат пидзаква хIырзачIумI.
ХIапхьумI, хIапхьумI йгы хIапхьумI,
ХIинженерI, хIписательпI, Ленин!*

‘Мы защищаем твою светлую дорогу, выполняем твои прекрасные заветы, учимся, учимся и учимся, становимся инженерами, писателями, Ленин’.

Вслед за тем звучат заверения в том, что ряды колхозников увеличиваются, растет число орденосцев, Черкесия процветает, а имя Ленина сохранено в коллективном сердце народа (*уара уыхьыз хIгвы йгIатахатI*). Таким образом, вторая часть стихотворения трансформируется в жанр рапорта.

Касаясь языковых средств, отметим стершееся олицетворение: *Черкесия гIайумI, йкъагIумI* ‘Черкесия **растет, цветет**’. Любопытно неуклюжее исполнение сравнения: *ХIара хIколхозникквагьы йрылахIумI*, / *Эльбрус асыртI апита йккIумI* ‘увеличивается число колхозников, сияют словно вершина Эльбруса’. Но наиболее интересными здесь выступают эпитеты: *ХIара уымгIва лашара хIхчитI*, / *Уара ууасйат пидзаква хIырзачIумI* ‘мы защищаем твою **светлую дорогу**, выполняем твои **прекрасные заветы**’, *убыжь хьапиц зны йглахIраглах, Ленин!* ‘дай услышать еще раз твой **золотой голос**, Ленин’. Если эпитет «прекрасные» (о заветах) является традиционным, «светлая» (о дороге) — выразительным лирическим компонентом, то «золотой» (о голосе) до сих пор звучит свежо и необычно.

Тема нового поколения

Ленинские мотивы проявляются и в произведениях другой тематической направленности. Так, в стихотворении Исмаила Табулова, посвященном пионерам и написанном от их лица, четырежды встречается словосочетание «дорогой Ленин» (*Ленин тланIа*), девять раз — «пионеры-ленинцы» (*пионерква ленинцквa*) и два раза «мы — ленинцы» (*хIара, ленинцквa*). Красноречиво и само название: «Ленинцы» (*Ленинцквa*). Все это не случайно, так как через все произведение красной нитью проходит мысль о том, что пионеры выступают юными последователями ленинских идей.

Данное стихотворение было первой публикацией И. Табулова и одной из самых первых художественных публикаций в национальной газете: 31 августа 1935 г. Оно было довольно длинным: 72 строки, структурированные в 18 катренов. В нем нашли свое выражение штампы и лозунги эпохи: *Бзaзaрa шIьц йтынчтa / Атрудьяца йрыцIуыхвитI* ‘вместе с трудящимися мы строим новую жизнь’, *Йьгьу зымгIва хIадкIьлатa / ХIапхъахьыла хIайтыпанI* ‘все вместе сплоченно шагнем вперед’, *Ленин тланIа йбаракъ / Къапиц хIацIагыламца / ХIбаракъ къапиц хIагIата йцтIыхIхуа / Коммунизма хIазцанI* ‘под красным флагом дорогого Ленина, высоко поднимая красное знамя, дойдем до коммунизма’, *Адуней ду ахъахъ Совет власт щаквхIыргьылI* ‘на всей необъятной планете установим Советскую власть’, *ХIара пионерква ленинцквa / ЙанакIвызлакIгьи хIхIазьырпI* ‘мы, пионеры-ленинцы, всегда готовы’...

Стихотворение декларативное, какой-либо художественной ценностью не обладает, и сегодня имеет только историко-литературное значение, как и абсолютное большинство рассматриваемых здесь произведений. Оно грешит необоснованными повторами. Возьмем, к примеру, такой фрагмент:

*Йьгьу зымгIва хIадкIьланIта
ХIапхъахьыла хIайтыпанI.*

*ХIапхъахьыла хIызлайтыпуш атлагIва
Ленин тланIа йхIзыликъьатI.*

*Ленин тлапIа йхIзыликъъаз атлагIва
ТлагIва захвадзанI.*

*ХIара пионерква ленинцква,
ХIара пионерква ныбыжь шIыцква,
Ари тлагIва захва-захвадзата
ХIапхъахъыла хIаламгIвайситI.*

*Ауи тлагIва захва
ХIалазымцитиныс змурадта
ЙгIахIниIагылуа хIагъа...*

‘Все мы вместе шагнем вперед. Путь, по которому мы будем шагать вперед, проложил для нас дорогой Ленин. Проторенная дорогим Лениным дорога — самая верная дорога. Мы — пионеры-ленинцы, мы — пионеры нового поколения, этой верной-преверной дорогой мы шагаем вперед. Враг, который преградит нам нашу верную дорогу...’

Во фрагменте из 13 строк три раза повторяются сходные словосочетания: *хIапхъахъыла хIайтыпанI* ‘шагнем вперед’, *хIапхъахъыла хIызлайтыпуи* ‘будем шагать вперед’, *хIапхъахъыла хIаламгIвайситI* ‘шагаем вперед’; дважды повторяется «мы пионеры» (*хIара пионерква ленинцква*, / *хIара пионерква ныбыжь шIыцква...*), дважды — словосочетание «дорогой Ленин»; пять раз — слово «дорога» (*тлагIва*), в том числе три раза в сочетании с эпитетом «**верная**» (*тлагIва захва*). Естественно, все это неоправданно замедляет динамику стиха. И это не единственный подобный случай.

Не обходилось и без смысловых прегрешений. Так, о комсомоле, старшем идейном брате пионерии, говорится: *швIтара хIа хIтагыланI* ‘мы стоим на вашем месте / замещаем ваше место’, а должно: *швиIыхъва хIа хIтагыланI* ‘мы следуем за вами’.

Такая же ошибка обнаруживается и в другом стихотворении, примыкающем к тематической группе о школьниках «Пионеры» (24 апреля 1936 г. — автор не указан). Так, вместо того чтобы сказать, «мы — подшефные комсомола», автор пишет: «мы — шефы

комсомола» (*хIара, акомсомол ршефква*). В следующей строфе автор, повторяясь, еще раз закрепляет допущенную нелепицу: *ХIара хIуни шефквапI, / Ленинска комсомол хIыршефквапI* ‘мы — юные шефы, шефы ленинского комсомола’.

Примеры говорят о том, что начинающие стихотворцы порой не умели адекватно высказать то, что хотели. Но при этом отчетливо декларировалось, что юные пионеры получают знания (*хIара дырра хIауитI*), живут культурно (*хIара культурната хIбзазитI*), высоко поднимают красное знамя (*хIара хIбаракъ щтIыхIхитI*). При этом слово «юный» всегда выписывалось в русской транскрипции — *йуни*, хотя в национальном языке существовало слово *чкIвын*, которое отчетливо передавало то же самое значение: *ХIара, йуни пионерква, / ХIара, йуни планеристква, / ХIара, йуни моделистка...* ‘мы — юные пионеры, мы — юные планеристы, мы — юные моделисты’.

Мотив классового врага, неоднократно звучавший в стихотворении И. Табулова «Ленинцы», повторяется и в «Октябрятах» Сагида Дармилова (31 октября 1935 г.): *Классла йхIагъу тшыдхIырбитI* ‘показываем себя классовому врагу’. Тут же проявляется и мотив радости и сияния, характерный как для детской, так и взрослой поэзии тех лет: *ХIыла чкIвынква гвыргъауа / Атишахъва пхара хIылачIванI* ‘с **радостными** маленькими глазками мы сидим на теплом песке’. В следующей строфе поясняется цель пребывания детей на пляже: загореть и закалиться для того, чтобы оказать необходимую помощь товарищам, укрепить родную страну:

*РыцIагъи швабыжта тихIрыбагъьанIта
ХIтоварицква рыцIагъи хIырихърагIанI,
Ауаса бзита хIабаркIыта
ХIкъральыгIва рыцIагъи йхIрыбагъьанI.*

Как видим, и под невинное занятие детей младших классов искусственно подводилась идеологическая подоплека.

Посвящения Первомаю, Красной армии, колхозной жизни

Непременными атрибутами стихотворной продукции 1930-х гг. являлись посвящения Первомаю, Красной армии, счастливой колхозной жизни.

Стихотворение М. Малхозова «Первое мая» было опубликовано 1 мая 1940 г. и открывалось приветствием международного праздника трудящихся, приходившегося на этот день:

*Гвыргъахъвыла, нхара дула
Йахъчва хIара май гIахIрайгвумI.*

‘Радостно, трудовой доблестью сегодня мы встречаем / приглашаем май’.

После этого автор, обращаясь к природе, отмечает сплошное цветенье повсюду, зеленую землю, чистое небо, щебетанье ласточек, далекую песню жаворонка... Две пейзажные строфы завершаются сообщением о том, что все звери и птицы приветствуют наступление мая: *АпсауышвхIаква зымгIва гIалахIвачвумI, / ЗымгIвадзугъи май йайхIвахIвумI*. Фраза звучит нелепо вследствие того, что прямолинейность высказывания выводит на первый план мысль о том, будто животный мир осознанно радуется идейно-политической подоплеке весеннего месяца.

Далее настроение праздника передается с помощью ряда характерных образов: задорных песен, красных пионерских галстуков, горниста, барабанщика, вожатого, красных флагов на воротах, праздничного шествия с поднятыми знаменами... Затем автор свой взгляд с малой родины переносит на улицы столицы и представляет парад пеших и конных красногвардейцев, грохочущие по мостовым танки, проносящиеся «стальные птицы», выписывающие в весеннем небе имя «дорогого отца»:

*Амай мара рпхъынцIыгIваквa арыкIкауа,
ЗымгIва рхъахъ аджыр псгIачIквa псгIумI,
ХIара хIаба тIапIа йыхъыз дрытIидзауа
АхIауа цкба апны ауат йырIвумI.*

По всей вероятности, самолеты в небе выстраивались в виде букв, складывающихся в имя Сталина, но любопытно при этом, что само имя в тексте стихотворения не упоминается, а заменяется статусом отца народа: «наш дорогой отец» (*хIара хIаба тIапIа*). Отметим и использование в финале кальки русской метафоры «стальные птицы» (самолеты). Достойны внимания и такие

подробности, как **вышитые шелковыми нитями знамена и посверкивающие солнечным светом крылья самолета**. Это — одни из первых выразительных художественных деталей в абазинской поэзии.

В целом стихотворение призвано было передать атмосферу всеобщего праздника, и автор справился с задачей. Оно отличается продуманностью, сменой ракурсов изображения, отчетливостью композиционного замысла.

Четырьмя годами ранее (1 мая 1936 г.) в газете появилось стихотворение И. Табулова на ту же тему. Но, если у М. Малхозова в центре внимания находился международный **день** трудящихся, то у И. Табулова объектом изображения выступает весь **месяц май**:

*Май йапхъахауа амыз, угIайгва, хIымыз ду.
УхIзыгIайгва, ухIзыгIайгва, хIымыз ду,
УгIайгвара хIгвыргъьаранI,
ХIгвыргъьачIвауа хIнаутыралитI.*

‘Май — первый месяц, добро пожаловать, наш великий месяц. Добро пожаловать, добро пожаловать, великий месяц. Твой приход радостен для нас, мы, радуясь, идем навстречу тебе’.

Снова отметим характерные для стиля И. Табулова необоснованные повторы: в четырех строчках четыре раза употребляются производные от слова *айгвара* ‘заходить’: *угIайгва, ухIзыгIайгва, ухIзыгIайгва, угIайгвара*; дважды — производные от слова *гвыргъьара* ‘радость’: *хIгвыргъьаранI, хIгвыргъьачIвауа*; трижды — слово «месяц»: *амыз, хIымыз, хIымыз*.

Выдержанная в мажорном ключе строфа передает ликование лирического героя. Он настолько преисполнен радостью, что, не ограничиваясь одноразовым приглашением мая, трижды восклицает: «добро пожаловать», попутно дважды величая данный месяц великим: *хIымыз ду*.

Логически можно объяснить, почему третий сезонный и пятый календарный месяц торжественно именуется *первым* и вызывает столь сильные эмоции: в сознании лирического героя на весь май накладывается праздник Первомая — дня международной

солидарности трудящихся. Но насколько это правомерно? В произведении отсутствует какая-либо внутренняя связь между ними, вследствие чего пафос вступления оказывается ложным, искусственно подогретым. Но так или иначе создается повод для своеобразного производственного и политического отчета:

*XIxъaxIapa дуква наупырагIгитI,
XIадгъыл чIыхвква xIрыквайчIватI,
Асорт бзиква рыквхIнсамI.*

‘Мы несем тебе навстречу наши большие достижения, мы превратили наши синие земли в черные (метафора вспаханных целинных — покрытых зеленью — земель), засеяли лучшими сортами’.

Затем целая строфа отводится под сообщение о повсеместном трудовом порыве:

*Стахановска движена тиамцIнахитI.
Стахановска движена анормажвква пнатшытI.
Арабочаквагъи, аколхозникквагъи ударната йынхитI,
Стахановска методла йынхитI.*

‘Стахановское движение развивается, стахановское движение разрушило старые нормы. Рабочие и колхозники трудятся ударно, работают стахановским методом’.

Попутно отметим очередное злоупотребление повторами.

Далее следует упоминание о цветущей советской родине (*xIcoвет родина къагIитI*), классовом враге (*классла йxIагъу*), шествии к коммунизму стройными рядами под знаменами Ленина-Сталина под руководством коммунистической партии и дорогого вождя Сталина (*Ленин-Сталин рбаракъ къапц xIацIагылата / Акоммунист парт рхъада / XIвожд тлапIа Сталин дыхIхъадата / Акоммунизм xIазцитI*).

В заключительной строфе автор снова возвращается к словословию в честь «первого и дорогого месяца» и завершает ее здравницей: *йабгазтI май амыз тлапIа* ‘да здоровствует дорогой май месяц’.

Отметим и обилие в стихотворении русскоязычной лексики: *асорт* ‘сорт’, *стахановска движенена* ‘стахановское движение’, *стахановска методла* ‘стахановским методом’, *анормажвквa* ‘старые нормы’, *ударната* ‘ударно’, *ХСовет родина* ‘наша советская родина’, *ХВожд* ‘наш вождь’, *акоммунизм* ‘коммунизм’, *хПарашютистнI* ‘мы парашютисты’, *Ворошиловска значок* ‘Ворошиловский значок’ и другие.

Во всем произведении можно выявить лишь одну истинно поэтическую строку: *ХИадгыл чIыхквa хIрыквайчIватI* ‘мы превратили наши синие земли в черные’, в которой со всей очевидностью проявилось образное мышление автора.

Среди газетных публикаций 1935–1940 гг. выделяется группа произведений, объединенных оборонной тематикой. Речь идет о стихотворениях Д. Озова «Иду» (24 октября 1935 г.), С. Дармилова «Передан Красной армии» (22 марта 1936 г.), П. Цекова «Большое счастье стать красноармейцем» (27 июля 1940 г.) и переводном стихотворении Л. Квитко «Письмо Ворошилову» (21 июля 1939 г.). Почти все они разрабатывали одну и ту же тему призыва в Красную армию. Из этого ряда выпадало лишь стихотворение С. Дармилова, в котором речь шла об отборе в кавалерию военной комиссией коня по кличке «Цилиндр». Попутно отметим, что это второе произведение в абазинской литературе (после «Гуки» И. Табулова), посвященное животному.

Название стихотворения Д. Озова «Иду» понимается как *призываюсь* в армию. Лирический герой с воодушевлением говорит о том, как он с друзьями в назначенное время прибыл на прохождение военной комиссии. О его подготовленности к несению воинской службы свидетельствуют членство в ОСО (общество содействия обороне СССР), значки Ворошиловского стрелка, ГТО (готов к труду и обороне), ГСО (готов к санитарной обороне)... Использование аббревиатур, наряду с сообщением о призыве в армию молодых людей 1913 года рождения, придают изложению черты канцелярского стиля. Герой уверен, что приобретенные навыки станут для него хорошим подспорьем при прохождении

службы. Армию он воспринимает как школу закалки духа мужества, обретения новых знаний, повышения культурного уровня:

*Ар къаиц йрылалуа
АхъацIара тларыхIра йалахIумI.
Ауи апхъара ацйауитI,
Акыт дкультурната дрызгIайхитI.*

‘У вступающего в Красную армию повышается мужество, выносливость. Он получает образование и возвращается домой культурным человеком’.

Эта же тема продолжается и в стихотворении П. Цекова, в названии которого «Большое счастье стать красноармейцем» отчетливо выражена главная идея стихотворения:

*XI-Красная армия уабоецта —
XIкъраль тланIа уахчагIвыта,
Авинтовка унапIы йыцIа
Угылазарныс насып дупI.*

‘Быть бойцом нашей Красной армии, защитником нашей дорогой страны, стоять на страже с винтовкой в руке — большое счастье’.

Живым примером для лирического героя выступает образ национального и всесоюзного героя:

*Абелофинква зрыхъавашаз,
XIкъраль атынчра зхчаз
Дрылан XI-Союз а-Герой
Кунижев Замахщери.*

‘Среди тех, кто сокрушил белофиннов, защитил покой нашей страны, был и Герой нашего Союза Замахщери Кунижев’.

Здесь используется реальный факт: абазин З. О. Кунижев действительно, за участие в войне с финнами первым в Карачаево-Черкесии получил звание Героя Советского Союза.

Завершается стихотворение предупреждением кровопийц-капиталистов: если они вздумают напасть на социалистическое отечество, их ожидает неминуемая гибель:

*Ужвыгъи акапиталистквa —
АуагIа рцaжвчваквa
Йайсныс йхIызгIайуата
ЙъагIанIатIауыз рцIыхъванI.*

‘И если теперь капиталисты-кровопийцы вздумают воевать с нами, это станет их концом’.

И в переводном стихотворении Л. Квитко говорится о призывнике. Его младший брат в письменном обращении к самому Клименту Ворошилову, народному комиссару обороны СССР (1934–1940 гг.), характеризует новобранца как передовика производства (*Анхара апны дапхъата / Джъыйын ауи*), заслуживающего доверие (*ЙызхъацIа ауи айсра апны*). Автор письма убеждает адресата в том, что призывник обязательно станет образцовым солдатом (*Армия рпны боецта / ДыпримерызлуштI ауи*), и потому просит зачислить его в передовой отряд. А в случае его гибели лирический герой выражает готовность заступить место выбывшего из строя бойца:

*Товарищ Ворошилов,
Сара ласыта йсылахIанI,
Саца йтарала сгылпI
Авинтовка сымата апост апны.*

Судьба этого произведения оказалась довольно счастливой: еще до публикации в газете оно было выпущено отдельной брошюрой в 200 экземпляров и распространено среди населения. А появление его в печати сопровождалось заметкой «Хорошее начинание», в которой давалась высокая оценка качеству переложения. «Такие начинания являются одними из лучших страниц истории абазинской литературы, — утверждалось в ней. — Товарищу М. М. Малхозову удалось хорошо перевести стихотворение» [[Хорошее начинание 1939: 2](#)]. Данная публикация стала *первым примером жанра рецензии* на абазинском языке.

Общей особенностью рассмотренных произведений является обилие русскоязычной лексики: *сдопризывникта* ‘допризывником’, *аударникквa* ‘ударники’, *асоциалистическа* ‘социалистиче-

ская', *апризыв* 'призыв', *члента* 'членом', *азначокква* 'значки', *акомиса* 'комиссия', *авоена техника* 'военная техника' — у Д. Озова; *письмо*, *товарищ*, *Красная армия*, *афронт* 'фронт', *авинтовка* 'винтовка', *апост* 'пост', *аслужба* 'служба', *афашистка* 'фашисты', *дыпримерызлуштI* 'станет примером', *анародна комиссар* 'народный комиссар', *Советска страна* 'Советская страна', *аотряд передовой* 'передовой отряд' — у М. Малхозова; *социализм*, *коммунизм*, *апартия* 'партия', *абелофинкка* 'белофинны', *акапиталистка* 'капиталисты', *хIКрасноармеецкка* 'наши красноармейцы', *хI-Красная армия* 'наша Красная армия', *Советска Союз а-Герой* 'Герой Советского Союза' — у П. Цекова... Любопытно при этом, что Д. Озов и С. Дармилов использовали абазинский эквивалент названия Красной армии (*Ар къащи*), тогда как М. Малхозов и П. Цеков предпочли русскоязычный вариант написания: *Красная армия*. М. Малхозов применил словосочетание *Советска страна*, тогда как одно из них можно было заменить абазинским словом: *къраль* (страна), неоднократно употребленным П. Цековым в своем стихотворении. Эти и приводившиеся выше сходные примеры говорят о том, что еще не был произведен отбор соответствующих лексических средств национального языка, литературный словарь только начинал свое формирование, еще не выработались какие-либо регулятивные нормы.

Другая группа произведений образует единый блок, связанный с темой колхозного труда. Так, стихотворение И. Табулова «На току» (5 сентября 1935 г.) описывает начало молотбы зерновых. На первый план выводится главное «действующее лицо» — молотильная машина, располагающаяся посреди тока. На ней стоит готовый к исполнению своих обязанностей закладчик «с открытым сердцем». По команде заведующего током Галима Газиз заводит трактор (автор даже фиксирует его марку: СТЗ — Сталинградский тракторный завод), с помощью которого свою работу начинает молотилка. Живая цепь колхозников быстро подает закладчику снопы пшеницы, и вот уже дело заспорилось...

Стихотворение И. Табулова написано в жанре репортажа. При этом автор отмечает не только процесс молотбы, но и душевное состояние работников: смена не только расторопна, она открыта

сердцем, радостна, трудится с воодушевлением (буквально: с увеличивающимся сердцем), и автору доставляет удовольствие смотреть на слаженную работу колхозников:

*Анхара згвы азыхътИыз асмена
Йджьгардзата йджвыквырцIатI анхара,
ЙгвыргъьачIвауа, ргвы духауа.
Йъанхауа уырпшыныс хIвапсагIван.*

Журналист Г. К. Чекалов верно заметил, что публицистическое начало в этом произведении преобладает над лирическим. И это особенно отчетливо проявляет себя в заключительной строфе:

*Апкъарта джвыквызцIаз аколхозникква
ЗымгIвадзугъи йазыджьгарта йацырмурадI
Агоспоставка йартуаш
Заман айшысла йинадырхъуш.*

‘Колхозники, энергично приступившие к молотбе, ставят перед собой задачу обеспечить госпоставку в короткие сроки’.

Правота журналиста становится еще более очевидной при учете одной детали: полоса, на которой было помещено стихотворение И. Табулова, вышла под общим лозунгом: «Ударно обеспечим госпоставки и по-большевистски проведем осенний сев» [Чекалов П., Чекалов Г. 2017: 127].

Немаловажным представляется и то обстоятельство, что И. Табулов свой стихотворный репортаж создал в то время, когда в зарождающейся национальной публицистике не было еще ни одного примера данного жанра в прозе.

Стихотворение С. Дармилова «Бригада Адзынбы» (31 октября 1935 г.) создано уже в жанре рапорта: здесь не изображено какое-либо конкретное действие, хотя название, казалось бы, предполагает нечто подобное. Вместо этого автор делает декларативные заявления в духе времени:

*ЗымгIвадзугъи хIацапшыта
ХIласквата хIынхаквитI,*

*Хицагьылата хлабакIумI,
Социализм хIазабакIумI.*

‘Все мы работаем одинаково проворно, сплоченно боремся за социализм’.

И далее сообщается о том, что бригада трудится с радостью, поднимает производительность труда, борется за лучшие показатели и культурную жизнь... По сути, и это стихотворение — публицистика. И завершается оно заверением в том, что приближающийся октябрьский праздник (день свершения Октябрьской социалистической революции — 7 ноября по новому стилю) бригада встретит большими достижениями: *Октябрь аторжеств йгIадзау / ХиъаIара дуквала хIапылI.*

Несмотря на различие жанров, стихотворения И. Табулова и С. Дармилова сходятся в некоторых деталях: наличие собственных имен тружеников (завток Галим, тракторист Газиз, бригадир Адзынба), общее состояние трудового подъема, мотив радостного труда: *йгвыргъачIвау, ргвы духау* ‘радуясь, воодушевляясь’ — у И. Табулова, *хIашIагвыргъытI, хIгвыргъачIвау хIацынхитI* ‘улыбаемся, радостно работаем вместе’ — у С. Дармилова.

Сельскохозяйственная тема продолжается и в стихотворении Х. Мукова «Собирайся скорей, пока лежит снег» (19 января 1941 г.). Оно написано в назидательно-дидактическом ключе. Уже название указывает на то, что это агитка. Лирический герой, обращаясь к колхознику, напоминает, что готовиться к весенне-полевым работам следует заблаговременно, чтобы потом, сломя голову, не бегать среди поля. Он же советует бригадиру внимательно осмотреться. Чисты ли семена? Дошли ли они до кондиции? Исправлен ли плуг? Есть ли при нем лемех? — вот круг адресуемых ему вопросов. Идея стихотворения отчетливо выражена в предпоследней строке: «Собирайся скорей, пока лежит снег». И не случайно именно она вынесена в качестве заглавия-лозунга.

Не приходится говорить о том, что и это стихотворение публицистично по звучанию. Но, если в содержательном плане «Собирайся скорей...» — типичный продукт своего времени, то в техническом — новаторское произведение.

- 5 *ПыцкI гIаныжъста*
тишумыртынчхын ауыла.
- 6 *Уыжвла цкъума*
йнадзата акондица;
- 7 *УкIватан чнума*
щарда ачвагъвауа
акIватанахI йыцта.
- 8 *Даъан ари апи:*
- 9 *Днабжъыс-гIабжъыспI*
йгъи дгъацIкIвум —
«уахъчIва-уачIвы»-ла
йрыхъвлитI ами.
- 10 *ЙтыцIпI агъны.*
- 11 *«Набжъыс-гIабжъыс»,*
йдыр ууыс:
йгIайуаитI гIапны.
- 12 *Утапишы амбар*
йшпасаркIву,
йшыгъныркIву —
- 13 *Уыжвла алыхта*
йгъи йцкъата
йтузтын амбар.
- 14 *ГIапны гIайуаитI хIпны.*
- 15 *Йыргыл анхагаквагъи*
йадзхъагылата,
- 16 *АкIапсагаквагъи*
ауат йрыдгылата.
- 17 *ЙшыквыркIву асы*
тиадгал ласы —
- 18 *Йазната амашв*
йгIаквага
тишыгIвра бажв.

Сначала сосредоточимся на первых двух строчках, где середина первой (*угвы*) рифмуется с концом второй (*архъагвы*). Конец первой строки так и остается без рифменной пары, но зато первые два слова второй строки (*йадгал — тиадгал*) образуют между собой созвучие, а затем следующие друг за другом слова (*агъвна — унагъв*) создают паронимию. Помимо того, во фрагменте этой же самой второй строки — *араъа — агъвна, унагъв-гъламыгъвхуа* — обнаруживается ассонанс на *а* (8 раз!) и аллитерация на *гъв* (4 раза). Прекрасная не только для начального периода инструментовка стиха!

Последующие три строчки (3 – 4 – 5) представляют фрагмент, в котором концы крайних строк (3-я и 5-я: *уыла — ауыла*) рифмуются между собой, а срединная (4-я) так и остается холостой. А в следующем двестише (6 – 7) рифмы скрепляют не только концы (*акондица — йыцта*), но прошивают и середины строк: *цкьума — чтума*. 8-я и 9-я строки имеют обычную парную концевую рифму *апи — ами*, а помимо того, — и внутреннее созвучие, основанное на словах-близнецах: *днабжьыс — гълабжьыспI*. Нечто подобное наблюдаем и в следующих двух строчках (10 – 11): концевая рифма (*агъны — гъланны*), внутреннее созвучие тех же самых слов-близнецов (*набжьыс — гълабжьыс*), дополняющиеся еще и рифмой: *набжьыс-гълабжьыс — ууыс*.

На фоне такой богатой звуковой инструментовки 12-я и 13-я, 15-я и 16-я строки остаются без рифм. Но зато 14-я (*гъланны гълайуаштI хълны*), 17-я (*йшыквыркъву асы, тиадгал ласы*) и 18-я (*йазната амашв йгъаква тиыгъвра бажв*) представляют собой уникальную рифмовку: все приведенные строки не имеют рифменных пар в соседних, они обходятся за счет собственного внутреннего созвучия. В них рифменная пара заключена в пределах одной строки.

Такое разнообразие и оригинальность рифмовки не может не напомнить традиций В. В. Маяковского в этой области, тем более что все стихотворение написано в его стиле. Но в последнем типе рифмовки выявляется влияние и национального фольклора. Во многих однострочных абазинских пословицах используется идентичная рифмовка: *ахъа зымгъва йранхъанI* ‘голова всему на-

чало’, *арбагъь ацкӀыс аквтагъь* ‘предпочесть яйцо петуху’, *бзи йубауа ауыс унапӀы азыласпӀ* ‘любимая работа в руках спорится’ и т. д. Подобный тип рифмовки характерен и для русских поговорок: «**Архип** с толчков **охрип**», «**Белила** не сделают **милу**», «**В праздник** жена мужа **дразнит**»...

Необходимо отметить и другое не менее важное явление: *Муков* в этом стихотворении впервые применил неточную рифму: «**акондица**» — «**йыцта**», «**апиш**» — «**амиш**», «**амашв**» — «**бажв**» тогда, как до него в тех немногочисленных случаях, когда проявлялась рифма, она была почти вся грамматической, следовательно, точной не только в отношении звуков, но и букв.

Проведенный анализ формальных признаков стихотворения Х. Мукова доказывает, что в заявлении о новаторстве данного произведения никакого преувеличения нет. Здесь со всей очевидностью демонстрируется вольное, ничем не стесненное обращение автора со словом, ритмом, звуком. В плане исполнения данное произведение, безусловно, выступает не только самым оригинальным, но и самым талантливым из стихотворных произведений рассматриваемого периода.

Пейзажная лирика

Достоинно удивления, что среди политизированной, идеологизированной, насыщенной социальной проблематикой стихотворной продукции 1930-х гг. скромное место нашлось и пейзажной лирике. Правда, она лишена какого-либо разнообразия, очень узка и однобока: из четырех произведений три посвящены весне, одно — зиме. И чаще всего их названия носят бесхитростный сезонный характер: А. Магажиков: «Весна» (20 марта 1936 г.), А. Магажиков: «Зима» (22 декабря 1936 г.), П. Цекв: «Весна» (14 апреля 1940 г.), Х. Муков: «Добро пожаловать» (13 апреля 1941 г.). Ни одного стихотворения ни о лете, ни об осени. И в этой тематической группе одинаково показательно выступили как слабые стороны абазинской поэзии предвоенного времени, так и ее позитивные явления. Вот, например, как открывается первое из названных произведений:

*Агъны тыцӀын агӀапын гӀаталтӀ.
АгӀапын гӀаталын асква ратыхитӀ.
Асрыдзква адзыцтраква йрылагӀвитӀ,
АжвгӀванд лашарахатӀ, адгъыл сасихтӀ.*

‘Зима ушла, и наступила весна. Пришла весна, и тают снега. Растаявшие снега сливаются в ручьи. Небо посветлело, земля оттаяла’.

Никакой образности. Сезонные приметы воспроизводятся прямолинейно, как в учебнике по природоведению для начальных классов. А финал дополняется еще и социальным мотивом:

*Аколхозникква бригада ла йахъцата,
АгӀапын чвагъвара йтыцӀтӀ.
Ауат соревнана ацырчпан йчвагъвитӀ,
АтшыгӀвара бажв гӀатыргара йзабакӀуа йчвагъвитӀ.*

‘Разбитые на бригады колхозники вышли на весеннюю пахоту. Они устроили между собой соревнование и борются за богатый урожай’.

Но даже и в этом стихотворении обнаруживает себя поэтическое начало: изображая плывущие по реке льдинки, стихотворец использует деепричастие *йагӀвысадзысуа*, передающее картину того, как они сходятся, расходятся, попеременно обгоняя друг друга (*ацхӀаивква йагӀвысадзысуа йратыхитӀ*). Очень экономное и выразительное слово, смысл которого на русском языке приходится излагать целым предложением. В другом месте А. Магажиков, затрагивая тему возвратившихся с теплых краев скворцов, отмечает, что «их хмельные песни доносятся с деревьев» (*ауат руарад жвгъарква ацӀлаква йгӀархъгагӀитӀ*). Может показаться, что здесь нет ничего примечательного, но для 1930-х гг. такой эпитет, как «хмельной» (*жвгъарква*) становился открытием.

В стихотворении «Зима» обнаруживаются свои особенности: белый снег соотносится с ватой: *уылалырных бамби пиканӀ*. И здесь важен не только факт использования сравнения как выразительного средства, но и эпитет «нежный», сопровождающий слово «вата» и привносящий осязаемое лирическое звучание: *бамби пиканӀ*. И это было ново для национальной поэзии того времени.

Последняя строфа тоже представляется удачной:

*Апхын йдауышыз адзква
Агъны йцхIаишыжвпIахатI.
АцхIаишв ахъахъ йагIвыкъя-дзыкъяуа
АчкIвынчва тагIвзитI.*

‘Шумные летом воды покрылись толстым льдом, и на нем, проносясь мимо друг друга, катаются мальчишки’.

Обратим внимание на глагол *йцхIаишыжвпIахатI*, смысл которого по-русски можно передать фразой: покрылось толстым льдом. Деепричастие, образованное словами-близнецами *йагIвыкъя-дзыкъяуа*, представляет цельную картину одновременного и разнонаправленного скольжения / мелькания детей на льду (возможно, на коньках). Такие обретения для зарождавшейся поэзии были очень ценны, так как представляли собой первые попытки поэтизации обыденных явлений.

Как продолжение данного ряда примеров приведем строфу из стихотворения П. Цекова «Весна»:

*АгIапын мара хахва
Къару ду аманI.
Агъны кIъарбыбуа
Азаман йалнаргатI.*

‘Бодрое весеннее солнце имеет большую силу. Оно вынуждает зиму уйти, не оглядываясь’.

И здесь наиболее выразительным языковым средством выступает деепричастие *кIъарбыбуа* ‘не оглядываясь’, которое, к сожалению, при переводе на русский язык теряет свою лирическую подоплеку.

И в стихотворении Х. Мукова «Добро пожаловать» функции выразительности чаще всего выпадают на деепричастия: *ухIызгIайтI мара миыла, / йалауыриуа анхара* ‘ты [весна] пришла солнечным днем, *разогревая* работу’. И снова смысловой перевод оказывается беднее того, что подразумевает абазинское деепричастие: *йалауыриуа анхара* означает — усиливая, взвинчивая темп, придавая работе больше сноровистости.

Заметим, что ни в одном из ранее рассмотренных произведений и тематических групп деепричастие не играло какой-либо существенной экспрессивной роли, как в пейзажной лирике. Другая особенность последней группы заключается в обилии олицетворений.

А. Магажоков. «Зима»:

*АжвгIванд лашара урыхъвацтI,
Адгъыл йачIва урышкIвокIватI.*

‘Ты [зима] светлый день превратила в пасмурный, зеленую землю побелила’;

*АпстхIва алагIваласитI,
Абаштау чвгъа йынкъвнацитI.*

‘Облака мечутся, их гонит сильный восточный ветер’;

П. Цеков. «Весна»:

*Абыхъвкwa зымгIва
АгIапын йайхIвахIвитI,
ЗакIгъи гIанымхауа
Зынла йацырхIвитI:*

*«УгIайгwa, агIапын хахва,
ХIыбгъа асы аквызххыз.
Ауи асы атарала
ЧIыхвта хIызгIвычахыз».*

‘Все скалы весну приветствуют. Все они без исключения говорят вместе: «Добро пожаловать, храбрая весна, убравшая снега с наших спин и вместо снега приодевшая нас в синеву»’.

Попутно отметим метафору *чIыхвта хIызгIвычахыз* ‘приодевшая нас в синеву’. Обратим внимание и на то, что П. Цеков намеренно подменяет зеленый цвет трав, в которую земля «одевается» весной, на *синий*, вероятно, находя в этом больше поэтичности. Заметим, что подобные замены наиболее характерны для развитых литератур. Но вспомним, что эпитет «синий» вместо «зеле-

ный» еще ранее был использован И. Табуловым в стихотворении «Май — первый месяц»: *ХIадгьыл чIыхьква хIрыквайчIватI* ‘мы превратили наши **синие** земли в черные’.

Продолжим примеры олицетворений:

Х. Муков. «Добро пожаловать»:

*УхIызгIайтI мара мшыла,
Йалауыриуа анхара.*

‘Ты [весна] пришла солнечным днем, разогревая работу’;

*Уара аскви уацIа анны
ЗнытI «уъадзагIагIвацауа»,
УхIыцгьыргъауа архъа анны
Уысасра уачвымпхацауа.*

‘Лишь раз в году забредаешь ты к нам «по ошибке», радуясь вместе с нами в поле, не стесняясь положения гостя’;

*АгъыкI тиызпцаз атрактор
ЙгъаршIыгъуашым угвы –
Зыквхъа йцтIанацIауа агектар
ЙыквызлуштI архъа агвы.*

‘Отдыхавший всю зиму трактор не даст тебе скучать, — опрокидывая на спину гектар, будет носиться среди поля’.

Отдыхавший всю зиму трактор — прекрасный поэтический образ! Не менее удачна и метафора в составе олицетворения: **Зыквхъа йцтIанацIауа агектар (опрокидывая на спину гектар)**.

И здесь, как видим, достаточно отчетливо проявилось образное мышление, поэтическое мировидение Х. Мукова.

Заключение

Период зарождения абазинской литературы датируется 1933–1941 гг. За это время на страницах газеты «Красная Черкесия» было напечатано 5 переводных и 22 оригинальных стихотворения, абсолютное большинство которых проанализировано в данной работе. Авторами их стали первые национальные

стихотворцы: А. Хачуков, Д. Озов, И. Табулов, С. Дармилов, А. Магажиков, М. Малхозов, Х. Муков, П. Цеков. В своих произведениях они разрабатывали различную тематику, характерную в целом для стихотворной продукции первых десятилетий Советской власти.

Стихотворения о революции отражают бесправное положение рабочих и крестьян до нее и обретение ими прав и свобод после. Революция признается той силой, что сняла с трудящегося человека «мировую ношу». Большую смысловую роль в этой тематической группе выполняют лексемы «кровь» и «пот». В целом образ Октября выступает своеобразным мстителем за обиды, нанесенные народу богачами-угнетателями.

В произведениях, посвященных В. И. Ленину, абазинские авторы оплакивают смерть вождя пролетариата, утверждают величие начатого им переустройства мира к лучшему на основе добра, равенства и справедливости. Имени В. И. Ленина часто сопутствует национальный фразеологизм «подобный нашей душе», оттеняющий духовную близость героя трудящейся массе. Этому же способствует и утверждение о том, что имя вождя сохранено в коллективном сердце народа.

Для стихотворений о школьниках характерны идеи коллективизма, неустанного движения вперед верной дорогой, намеченной В. И. Лениным.

В стихах-посвящениях Первомаю авторы, как правило, от лица рабочего люда радостно приветствуют этот день, отмечая его приход трудовыми свершениями. Праздничное настроение достигается с помощью образов задорных песен, красных флагов на воротах, шествия с поднятыми знаменами.

В произведениях оборонной тематики служба в рядах рабочекрестьянской Красной армии преподносится не столько как долг и обязанность всякого молодого человека, сколько как оказанная Родиной честь защитить Отечество от внешних посягательств.

Сельскохозяйственная тема выводит на первый план радость коллективного труда, расторопность и воодушевленность колхозников, сознание того, что их труд работает на укрепление со-

циализма. В стихах этого тематического блока наряду с публицистичностью порой ощущается явный дидактизм, выражающий себя в назидании о необходимости своевременно подготовиться к весеннему севу. Но, как ни покажется парадоксальным, именно стихотворение из этой группы («Собирайся скорей, пока лежит снег» Х. Мукова) можно признать одним из самых оригинальных и талантливых в абазинской поэзии 1930-х гг.

Пейзажная лирика не столь распространена в абазинской поэзии предвоенного времени. Отдельные сезонные приметы в них воссоздаются с той же бесхитростностью, с какой они изображались в учебнике по природоведению. И тем не менее стихи этого плана интересны попытками поэтизации обыденных явлений. Тому же способствует обилие олицетворений, экспрессивные свойства деепричастий, придающие стихотворному тексту больше лиризма.

Изучение метрико-ритмических характеристик стихотворных публикаций подводит к выводу о том, что все они тяготеют к сверхмикрополиметрии, так как в пределах одного произведения беспорядочно сочетаются строки, относящиеся к различным тоническим и силлабо-тоническим размерам. Стихи эти, как правило, структурированы катренами (исключения редки), рифма — эпизодическая, более-менее регулярно она проявляет себя лишь в отдельных произведениях.

В рассмотренных произведениях русскоязычная лексика используется обильно, а выразительные средства — достаточно скудно, хотя и встречаются примеры интересных эпитетов, сравнений, метафор.

С позиции нынешнего времени можно утверждать, что большинство исследованных стихотворений не обладает эстетической ценностью. Но при этом необходимо помнить, что национальная лирика проделывала лишь первые практические шаги к поэтическому освоению действительности. И потому даже эти неброские, а порой и откровенно слабые произведения имеют свое несомненное историко-литературное значение.

Источники

Архив ИВР РАН — Архив Института восточных рукописей РАН. Ф. 74. оп. 1. Ед. хр. 31. Тетрадь 1929 г. Л. 51–52.

Литература

- Абазинские материалы 2019 — Абазинские материалы А. Н. Генко / Издание подготовили З. Д. Джапуа и П. К. Чекалов. Сухум: Academia, 2019. 464 с.
- Гаспаров 1984 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М.: Наука, 1984. 349 с.
- Жиров 1972 — *Жиров Х.* Разбуженные солнцем. Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1972. 191 с.
- Малхозов, Меремкулов 1940 — *Малхозов М. М., Меремкулов Н. К.* Хрестоматия по литературе. Часть II. Для четвертого класса начальной школы. Черкесск: Нациздательство, 1940. 165 с.
- Фортунатова 1933 — *Фортунатова Е. Я.* Книга для чтения. Часть II. Второй год обучения. М.: Госучпедгиз, 1933. 94 с.
- Фортунатова 1939 — *Фортунатова Е. Я.* Книга для чтения. Часть II. Второй год обучения. Ежово-Черкесск: Нациздательство, 1939. 110 с.
- Хорошее начинание 1939 — Хорошее начинание // Красная Черкесия. 1939. 21 июля. С. 2.
- Чекалов П., Чекалов Г. 2017 — *Чекалов П. К., Чекалов Г. К.* Судьбы абазинской литературной интеллигенции в предвоенные и военные годы: по следам архивных материалов. Черкесск: Нартиздат, 2017. 238 с.